

ФИЛОСОФИЯ МУЗЫКАЛЬНО-ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА Г.В. СВИРИДОВА

Л.А. КИНАШ

Белгородский государственный институт искусств и культуры

e-mail: ved_2phil@bsu.edu.ru

В статье рассматриваются некоторые философские аспекты интонационно-речевого контура музыкального языка Г.В. Свиридова, извлекающего из сокровенного потока «внутреннего духовного речения» автора Истину Мира, которая может быть заключена в синтезе Слова и Музыка. Автор анализирует музыкальную поэтику Г.В. Свиридова в части её обращенности к единению, сопричастности к идеям «мелоса» и «логоса», которые в произведениях композитора возвысились до вершин настоящей философии исповедального слова.

Ключевые слова: осмысленный звук, озвученный смысл, язык, ум, слово, душа, музыка, поэзия, синтез, диалогический союз поэтического и философского разума, истина мира.

Философское осмысление музыкального наследия Г.В. Свиридова представляется нам через обращение к такого рода категориям как национальное бытие, мировосприятие народа и национальной истории, как форма духовного творчества, берущая своё начало в религиозном сознании и отечественной философской мысли. И это вполне обоснованно, поскольку русская философия призвана рассматривать специфические грани музыкального искусства, рождённые и взращённые на русской почве, каковой, по сути и содержанию является музыка Г.В. Свиридова – говорящая, вещающая, проповедующая. В ней – терпкие гармонии, аскетичный, внятный язык и «недистиллированная» Русь – Россия, прямо здесь и сейчас существующая, незримая матушка – Русь, богатая святыми подвижниками, духовными свершениями, «звнящая», но монолитная и нерушимая.

Музыкант и композитор огромного национально-самобытного масштаба и дарования, Г.В. Свиридов чувствовал себя сыном земли русской, поэтому сам отчётливо определил свою главную творческую задачу – воспеть Русь, где Господь дал и велел жить, радоваться и мучиться. Поэтому музыка Свиридова содержит философско-эмоциональное видение мира, делая слушателя соучастником действия, непосредственно решающего главный вопрос – место человека в социально-культурном пространстве (региона, страны, мира), соответствие человека жизненной позиции и месту в этом мире, утверждение «героя», идущего и познающего мир, позитивно действующего, ответственного за его судьбу и за допущение в нём зла, скрывающегося за масками и всякого рода лозунгами, физические и духовные усилия которого корректируются разумом, совестью, высоким чувством долга.

Главный лейтмотив музыкальных полотен Г.В. Свиридова – возрождение «человеческого в человеке», созидательного, деятельного начала в нём, духовно-нравственной сути, воли к жизни и организации социального пространства. Ввиду этого, музыка Г.В. Свиридова, бесспорно, занимает особое место в русском музыкальном искусстве, которое можно рассматривать не только в виде рефлексии русской философии, но и как общественное мнение, социокультурное явление, как «продукт» духовной деятельности социума (Б.В. Асафьев, Н.А. Бердяев, И.И. Лапшин, А.Ф. Лосев, В.В. Медушинский). Их движущая сила мысли и духа не только реализовала, но и определила содержание самой русской музыки, вобравшей в себя многовековой количественный и качественный опыт всех культур. В соответствии с концепцией «Божественного эфира» Н.А. Бердяева, музыка находится в некоем абсолютном пространстве, на предельном, высоком уровне.

В этом иконостасном ряду находится и музыка Г.В. Свиридова, являя собой существенное выражение духовного богатства и жизнестойкости русского народа. Музыка Свиридова удалось достучаться до человеческого сердца и превратиться в «язык души», ко-

торый «есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, исторически живое целое. Он не только выражает жизненность народа, но есть именно самая эта жизнь. Когда исчезнет народный язык – народа нет более!»¹.

В данном контексте мысли композитора язык понимается не только как средство коммуникации, а как важнейший фактор культуры, открывающий путь бытийственным аспектам и побеждающий словом несвободу тварного существования, поскольку обретает способность, моделируя мир, одновременно творить его заново. С точки зрения христианской традиции, язык – это дар Божий, ибо речь присуща лишь человеку. Человеческий язык – это энергия души, «проявление сущности через движение, в котором сущность выявляет, обнаруживает богатство своего природного содержания»².

Следовательно, понять человека можно лишь поняв, что такое его язык «лишь изучение <...> языка может во всей полноте представить такое созерцание», – писал В. фон Гумбольдт в письме Фридриху Велькеру³. Св. Григорий Нисский, сравнивал ум со смычком, который, касаясь одушевленных органов, музицирует, являя посредством их звуков сокровенные мысли⁴. Как свидетельствует прп. Симеон Новый Богослов, человеческий ум познается через слово, а душа – посредством ума и слова «...три сия – ум, слово и душа», каждое из которых зрится в единой сущности⁵. Фактически, энергия языка, по Гумбольдту, есть явление сил души, звуковой строй – его «телесная» компонента. В соответствии с святоотеческой традицией, в языке «звук представляет собой тело, а значение – душу звука»⁶. Говоря о звуке, святые отцы имели в виду не просто осмысленный, говоря словами св. Иоанна Дамаскина, «знаменательный», но очеловеченный звук. Именно поэтому в русской философии звуков наиболее полно выражается «душа народа», судьба России в целом; а музыка Г.В. Свиридова, ставшая классикой советского искусства XX века, благодаря ее глубине, гармоничности, тесной связи с богатыми традициями русской музыкальной культуры, предстает такой сверхизбыточной.

Рассуждая о философском наполнении музыки Г.В. Свиридова, полагаем необходимым обратить внимание на тот метафизический синтез, в котором она сосуществует с русской прозой и поэзией, выступающей как живительная сила русской действительности. Тем не менее, поэтическое слово, по утверждению композитора, является исключительно ценным, в сто, тысячу крат весомей, чем слово прозаика. Это слова, которые отобраны поэтом, гением, которые производят сильнейшее впечатление. Россия богата словесным искусством, это страна Слова, страна песни, – утверждал Свиридов⁷. «Я... причастен к слову (!!!), как началу начал, сокровенной сущности жизни и мира, – написал композитор в первой тетради своих дневников под заголовком «О критиках» <...> Наиболее действенным из искусств представляется мне синтез слова и музыки. Этим я занимаюсь»⁸.

В этом постоянном стремлении к синтезу музыки с остальными видами искусства (прежде всего с литературой и поэзией) проявляется традиционализм Г.В. Свиридова. Это ещё больше сближает его с лучшими представителями русской культуры, в ряду которых столь любимые композитором М.П. Мусоргский и А.А. Блок, выступающие против кастовой, цеховой замкнутости отдельных областей художественного творчества и духовной жизни в целом, всем своим творчеством являющие образец взаимодействия и сближения искусств, гармоничного единения всех муз.

¹Свиридов В.Г. Музыка как судьба / Сост., авт. предисл. и коммент. А.С. Белоненко. – М., 2002. С. 327-328.

²Свящ. Олег Давыденков. – Понятие «силы» и «энергии» в святоотеческом богословии // Свящ. Олег Давыденков. Величия благочестия тайна: Бог явился во плоти. М., 2002. С. 16.

³Из писем Вильгельма фон Гумбольдта / Пер. О. Окропидзе // Иностранная литература. 1989. № 11. С. 236-237.

⁴Св. Григорий Нисский. Об устройстве человека / Пер. В.-М. Лурье; под ред. А.-Л. Верменского. СПб., 1995. С. 26-27.

⁵Прп. Симеон Новый Богослов. Слово 61 // Прп. Симеон Новый Богослов. Слова. Вып. 2 / Пер. еп. Феофана. М., 1890. С. 94-98.

⁶Августин Бл. О количестве души // Августин Бл. Творения, ч. 2. К., 1879. С. 402.

⁷Свиридов В.Г. Музыка как судьба / Сост., авт. предисл. и коммент. А.С. Белоненко. М., 2002. С. 74.

⁸Там же. С. 58.

Высшее в иерархии духовных ценностей для Свиридова – Слово, как незаменимое по своей определённости выражение мысли. Вне мысли, её глубокого духовного содержания нет для композитора и музыки. Ввиду этого вполне обоснованным представляется особое внимание художника к вокально-симфоническому жанру и утверждению своим творчеством тезиса о том, что «союз симфонически масштабной музыки с пламенным поэтическим словом как нельзя лучше помогает выразить большие идеи, отвечающие духу нашей жизни»⁹.

В записи «О главном для меня» Г.В. Свиридов говорит о главном призвании художника: по мере своих сил служить раскрытию Истины Мира, которая может быть заключена в синтезе Слова и Музыка. «На своих волнах (бессознательного) она (музыка) несет Слово и раскрывает его сокровенный смысл. Слово же несет в себе Мысль о Мире (оно предназначено для выражения Мысли). Музыка же несет Чувство, Ощущение, Душу этого мира. Вместе – они выражают (могут выразить) Истину мира»¹⁰. Идеалом сочетания слова и музыки Г.В. Свиридов по-праву считал подлинную народную песню, где словесное и музыкальное начала являют собой синкретическое единство.

Философия музыкальной поэзии Г.В. Свиридова обращена к идее единения, всеобщей сопричастности к идеям «мелоса» (мелодическое, песенное начало в музыке) и «логоса» (мысль, разум), которые возвысились до вершин настоящей философии исповедального слова. Во многом именно по этой причине исследователи ищут истинный философский смысл в музыке композитора (инструментальной, вокальной: песни, романсы, вокальные циклы, кантаты, оратории, хоровые произведения), в которой органично соединились его удивительное чувство стиха, глубина постижения поэзии, богатое мелодическое дарование.

В музыке Г.В. Свиридова духовная мощь и философская глубина поэзии выражаются в мелодиях пронзительной, кристальной ясности, в богатстве оркестровых красок, в оригинальной ладовой структуре. В ней мы находим онтологичность отечественной философской мысли, которая, в свою очередь, выражается в тесном и нерушимом союзе поэтического и философского разума. Адекватное осмысление данного синтетического сплава обуславливает соответствующее понимание и толкование русской музыки, творчество западных композиторов-романтиков (Ф. Шуберт, Ф. Шуман, Ф. Мендельсон, Р. Вагнер). Тем не менее, в немецком романтизме композиторам так и не удалось подняться до уровня «логоса» и соединить его с «мелосом».

По утверждению А.Ф. Лосева, ядром и смысловым центром русской музыкальной философии является удивительное возвышение «мелоса» и «логоса», в результате чего последний обретает иной вектор развития, иное значение, меняя даже пространство. Такую музыку мыслитель наделяет способностью элитизатора – бороться с обыденностью и указывать личности направление её духовного восхождения. Полагаем, в большинстве музыкальных произведений Г.В. Свиридова произошло удивительное соединение рационального («логос») и иррационального («эрос», «танатос», «эстезис» – особо чувственная сфера сознания). И это открытое взаимодействие названных категорий создаёт основание для особой событийности, целостности и монолитности русской музыкальной философии и музыки Г.В. Свиридова, как уникального образца предмета анализа философии в звуках.

Следует подчеркнуть, что внесение «логоса» в раздел онтологических оснований познавательного процесса определило его значение в становление различных форм познания духовной жизни российского общества на рубеже XIX – XX веков, в том числе в сфере культуры, искусства, музыки (С.Н. Булгаков, А.Ф. Лосев, В.С. Соловьёв, В.Ф. Эрн и др.). По мнению этих мыслителей, сама по себе теория познания в русской философии выстраивалась не в форме гносеологии, а в форме словологии (словоучения, речемышления, словознания).

Специфика человеческого слова, уникальность человеческого слова состоит в том, что его звук значим. Слово есть осмысленный звук и озвученный смысл. Соединение

⁹ Свиридов Г. Высокие идеалы современности // Вечерний Ленинград. 1966. 15 октября.

¹⁰ Свиридов В.Г. Музыка как судьба / Сост., авт. предисл. и коммент. А.С. Белоненко. М.: 2002. С.160-161.

смысла со звуком исследователи сравнивают с тайной соединения души и тела¹¹. И эта тайна требует сопричастности и соучастия более всего в поэтическом слове, где связь звука и смысла выявлена наиболее ярко, где «слова, сплетённые ... своими звуками, сближаются и сплетаются также и смыслами или частью своих смыслов...»¹².

Для творчества Г.В. Свиридова, безусловно, особое значение имели поэтические тексты, обладающие наивысшей степенью перформативности (прежде всего литургические тексты), а также произведения авторов, наделённых пророческими чертами, подчинившими своё творчество и всю грядущую русскую литературу голосу правды и совести, подвижнически служивших своим искусством народу. Свиридову была важна «действительная сила» (Свт. Гр. Богослов) текста, образный мир которого способен воздействовать на человека и изменить к лучшему его «движение души». Именно высокое, благородное движение души более всего ценил Г.В. Свиридов в поэзии, вкладывая в это понятие сокровенные мысли о ценности человеческой жизни, миссии человека на земле, роли музыки и искусства в духовном воспроизводстве нации.

Композитор удивительным образом умел соединить воедино два великих искусства – поэзию и музыку, где слово и звук совершенно раскованы, независимы друг от друга и вместе с тем предельно сподчинены. И это не подбор подходящих мотивов на подходящие стихи, а «музыка, выплавленная из поэзии», где «общее неотрывно от личного, а личное – от общего, судьбы героя и народа сливаются, и объективное повествование неизменно проникнуто субъективностью раздумий о жизни, о природе, о человеке»¹³.

Сила, что лежит «в глубине» музыкального языка Г.В. Свиридова, – энергия, порождающая осмысленное течение мысли и членораздельное её изречение, – обнаруживает себя в мелодике языка, в его музыке, где мелодия, говоря словами композитора, есть символ души Божественной или Человеческой; «мелодия есть поток силы<...>живая энергия...процесс развития напряжения внутри нас»¹⁴; «искусство интонируемого смысла, поток «тонового напряжения», который Б.В. Асафьев называл интонацией»¹⁵.

Таким образом, интонационно-речевой контур языка, формируемый его акцентно-силовыми структурами, – «это как раз та, почти единственная область, в которой музыка не только встречается с поэтическим языком и приспособляется к нему <...> более того подражает ему»¹⁶. Именно поэтому, для Свиридова в поэзии было важно слово, извлекающее из сокровенного потока «внутреннего речения» автора истину, «несокрываемость»¹⁷, а музыка впоследствии приобрела способность направлять течение мысли, помогать осмыслению текста, логосной смысловой энергии, поскольку «в пении участвуют твой дух и твой ум», – говорил свт. Василий Великий. Аналогичной точки зрения придерживался Свиридов, утверждая, что музыка на своих волнах бессознательно несёт Слово и раскрывает сокровенный тайный смысл этого Слова¹⁸.

Не случайно и вполне обоснованно один из «духовных учеников» и последователей Г.В. Свиридова, композитор В.А. Гаврилин, называл его цезарем российской музыкальной поэзии, точно разгадавшего тайну поэтических темпов Пушкина, Тютчева, Лермонтова, Блока, Есенина, Прокофьева, Маяковского, Твардовского и гениально претворившего их поэтический мир в музыкальных звуках¹⁹.

Как показывает анализ, во многих произведениях Г.В. Свиридова поэт выступает действующим лицом: и как конкретно исторический персонаж, но чаще как символ искусства, голос эпохи, образ своего времени, шире – духовной культуры своей страны. Для Свиридова поэт не просто «мастер литературного цеха», он – вещий голос народа, олице-

¹¹ Камчатов А.М., Николина Н.А. Введение в языкознание. М., 2000. С. 29.

¹² Вейдле В. Эмбриология поэзии. Статьи по поэтике и теории искусства. М., 2002. С. 110.

¹³ Сухор А. Георгий Свиридов. М., 1972. С. 142.

¹⁴ Курт Э. Основы линейного контрапункта. Мелодическая полифония Баха / Пер. З.В. Эвальд, ред. Б.В. Асафьев. М., 1931. С. 35-36, 41.

¹⁵ Асафьев Б.В. Музыкальная форма как процесс. Книга вторая. Интонация // Асафьев Б.В. Избранные труды. Т. V. М., 1957. С. 163-276.

¹⁶ Ланглебен М. Мелодия в плену у языка // Музыка и невсвещенное. М., 2000. С. 94.

¹⁷ Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Вопросы философии смысла. 1989. № 9. С. 135.

¹⁸ Свиридов В.Г. Музыка как судьба / Сост., авт. предисл. и коммент. А.С. Белоненко. М., 2002. С. 58.

¹⁹ Гаврилин В. Годовой круг // Музыкальный мир Георгия Свиридова: сборник. М., 1990. С. 38.

творяющий его мысль и совесть. Поэтому композитор обращается только к настоящим, подлинно большим поэтам, раскрывших в своём творчестве разные исторические эпохи родной земли, дух русского народа-труженика и страстотерпца, правдоискателя и свободолюбца, борца за волю и справедливость, несущего миру высокое «слово любви и дружбы», зовущего к «новым берегам» (М.П. Мусоргский) не только в творчестве, но и в жизни. В музыке Свиридова каждое поэтическое имя представлено группой произведений, что позволяет обозначить этапы его вокального творчества именами поэтов: пушкинский, прокофьевский, исаакьяновский, бернсовский, есенинский, блоковский и т.д.

Как видим, круг избранных Г.В. Свиридовым «единомышленников» говорит о творческом гении композитора, о сфере его художественных устремлений. Бережно воссоздавая индивидуальные черты разных поэтов (преимущественно русских и советских), Г.В. Свиридов, тем не менее, сближает их уже в процессе отбора, контролируемого при страстием к определенному кругу образов, тем, сюжетов. Однако, «окончательное превращение каждого поэта в «единомышленника совершается под воздействием музыки, властно вторгающейся в поэтический материал и преобразующий его в новое художественное произведение, в котором решающей оказывается индивидуальность композитора»²⁰.

Действительно, Г.В. Свиридов умел «читать» поэзию и был чрезвычайно внимателен и чуток к творческому стилю того или иного автора. И к каждому из них композитор находит свой «ключ», исходя из индивидуальных, историко-национальных особенностей творчества каждого. И это обращение всегда являло творческое открытие, воплощение простоты и естественности выражения, глубокое и органичное слияние музыки и слова, в результате которого, поэзия раскрывалась по-новому, звучала громче, полнее. Слово будто рождалось заново, приобретая новое звучание, всё больше наполняясь истинным смыслом.

Есть основание говорить об особом вкладе Г.В. Свиридова в разработку проблемы осмысления в музыке поэзии разных эпох и народов и введение в «правило» композиторского творчества создание камерно-вокальных и вокально-симфонических циклов преимущественно на основе поэтических текстов высокого достоинства. По оценке Л.В. Поляковой, «поэтическое и музыкальное соединилось в творчестве Свиридова весьма изысканно и тонко. Сплетение это рождает ни с чем несравнимые, не испытанные ранее ощущения <...> каждый маленький союз поэзии и музыки творит целый мир. Собранные вместе в цикл, эти миры образуют необъятную Вселенную, бесконечно разнообразную и сложную, но в то же время живущую по общим простым законам»²¹.

Г.В. Свиридов достойно развил и продолжил традицию «пластической интонации» (жест персонажа, манера говорить речевая интонация, походка, мимика), приверженцами которой, как известно, были А.С. Даргомыжский и М.П. Мусоргский. И все эти немзыкальные элементы приобретают в творчестве композитора музыкальные, «осмысленно-оправданные» свойства, поскольку подчиняются закономерностям музыки, которая нигде не теряет своей специфики, не поступает собственной образностью и художественной ценностью. Как показывает анализ, слово входит в них не в качестве дополнения и разъяснения собственно музыкального замысла, а как «самостоятельный и равноправный участник создания синтетического образа, как неотъемлемая сторона общей идеи произведения, которая является идеей музыкально-поэтической»²², более всего нашедшей отражение в песенности Свиридова, где она и жанровая категория, и основа языка, и принцип образного обобщения.

Равно как и М.П. Мусоргский, Свиридов ищет в ней «не отвлечённой кантилены, а «говорящей», «творимой говором» мелодии, обладающей при этом самостоятельной песенной образностью. Не удивительно, что в его мелодиях органично сливаются два начала: песенное и речевое, позволяющих музыке «говорить пением». Г.В. Свиридов феноменальным образом «выводит» музыку из живой, современной речи. Манеру речи, её ритмику, темп, мелодические интонации он считает производными времени, а своими во-

²⁰ Элик М. Свиридов и поэзия // Георгий Свиридов: Сборник / Сост. Р.С. Леденев. М., 1979. С. 71.

²¹ Полякова Л. Вокальные циклы Г.В. Свиридова. М., 1970.

²² Сохор А. Георгий Свиридов. М., 1972. С. 287.

кальными творениями убедительно подтверждает тезис «в этом кладезе – человеческой речи – таятся все сокровища музыки – и уже написанной, и будущей»²³. Действительно, композитор широко использует выразительные возможности слова, речевой интонации, мастерски сочетая песенную гибкость и широту мелодии с точностью и психологической правдивостью декламации. Заслуживает внимания редкое умение композитора одним метким штрихом, одним характерным оборотом подчеркнуть в песенной фразе «ключевое» слово, не разрушая её цельности, музыкальной логичности (изобразительно-ассоциативно, эмоционально, мелодическими, ритмическими, гармоническими средствами).

Таким образом, объединяющая идея в вокально-симфонических произведениях Г.В. Свиридова выражена синтезом и продуктивным диалогом музыки и поэзии; развивается – через сопоставление и взаимодействие образов, воплощённых и в стихах, и в музыке. Свиридовская драматургия эпична, поскольку её герои представлены в моменты размышлений, озарений, душевных порывов, торжественного свершения обрядового действия, т.е. предстают в «укрупнении», очищенные от случайного, преходящего.

Именно благодаря использованию такого метода музыкально-поэтической драматургии, музыкальные образы действительности в музыке Г.В. Свиридова принимают форму образов-символов. В основе каждого из них – реальное жизненное явление, запечатлённое во всей полноте и конкретности своих существенных признаков и, одновременно, поднятое до высшего обобщения. К примеру, у Свиридова музыкально-поэтические образы русской природы, матери и материнского очага являют собой символы Родины и родной земли. И всегда изображаемое пропущено через сердце, воспето с любовью в соответствии с внутренним опытом творческого сознания композитора: «Не я, но через меня».

Герой свиридовских произведений – поэт, гражданин, трибун, патриот, влюбленный в родную землю, любящий свой народ, свою культуру, свои традиции, истины бытия которого воплощены в музыке очень разнообразно: напряжённой лирического чувства – и тихого умиления, затаённой страстности – и строгой торжественности, возвышенной печали – и бесшабашной удали. Стремление к обобщённости выражения, к созданию образов, но в то же время поднимающихся по значению до символов, позволяет говорить о новаторстве Свиридова в музыке, где «все стороны образа, все грани содержания концентрированно выражены в цельном»²⁴.

Новизна творческого дарования композитора проявляется также в ясности и простоте выражения своих мыслей. Главными и неотъемлемыми чертами нового в музыкальном искусстве являются современность и простота, – утверждал Г.В. Свиридов – и «эту новую простоту музыкального языка можно найти только эмпирическим путём, только в живом творческом процессе»²⁵. Свиридовское понимание «новой простоты», которая рождается не из бедности, а богатства, поскольку насыщена, многообразна, изобилует тонкими оттенками и определяется как сложность, в которую внесена ясность, сродни взглядам С.С. Прокофьева, ратовавшего за это качество в стиле музыкального искусства, называя его синонимом высшего мудрого мастерства.

Простота музыкального языка Г.В. Свиридова достигалась строгим отбором выразительных средств, «бьющих в самую точку», правдивых и естественных как сама жизнь, природа, земля, хлеб, труд крестьянина, которым собственно и посвящена музыка композитора. Почвенность таланта позволяет Свиридову «забыть» о том, что он композитор, теснее слиться с жизнью, чтобы как можно непосредственно передать в музыке первоизданность жизненных образов, впечатлений, чувств. Не случайно композитор цитирует близкие ему по духу, творческой и жизненной позиции слова С.А. Есенина: «Прежде всего, я люблю выявление органического. Искусство для меня не затейливость узоров, а самое необходимое слово того языка, которым я хочу себя выразить»²⁶.

²³ Свиридов Г. Высокие идеалы современности // Вечерний Ленинград. 1966. 15 октября.

²⁴ Сохор А. Георгий Свиридов. М., 1972. С. 290.

²⁵ Там же, с. 292.

²⁶ Есенин С. Избранное. Л., 1970. С. 5.

Соединение разных «языков», характерное для творчества большинства поэтов, к которым чаще всего обращался Г.В. Свиридов (Есенин, Блок, Маяковский и др.), стало естественным качеством свиридовского музыкально-поэтического языка – цельного, «простого», идущего от подлинности, всеобщности мыслей и чувств, о которых «поёт» композитор, от естественности соединения давно устоявшихся элементов музыкальной речи. В этой интенции-стремлении и направленности сознания, воли, чувства души к единству слова и музыки, сконцентрировано то уникальное «новое», что характеризует творчество Г.В. Свиридова.

Список литературы

1. Августин Бл. О количестве души // Августин Бл. Творения, ч. 2. – К., 1879.
2. Вейдле В. Эмбриология поэзии. Статьи по поэтике и теории искусства. – М., 2002.
3. Гаврилин В. Годовой круг // Музыкальный мир Георгия Свиридова: сборник. – М.: Советский композитор, 1990.
4. Есенин С. Избранное. – Л.: Лениздат, 1970.
5. Из писем Вильгельма фон Гумбольдта / Пер. О. Окropicдзе // Иностранная литература. – 1989. – № 11.
6. Камчатов А.М., Николина Н.А. Введение в языкознание. – М., 2000.
7. Курт Э. Основы линейного контрапункта. Мелодическая полифония Баха / Пер. З.В. Эвальд, ред. Б.В. Асафьев. – М., 1931.
8. Ланглебен М. Мелодия в плену у языка // Музыка и незвучащее. – М., 2000.
9. Полякова Л. Вокальные циклы Г.В. Свиридова. – М.: Советский композитор, 1970.
10. Прп. Симеон Новый Богослов. Слово 61 // Прп. Симеон Новый Богослов. Слова. Вып. 2 / Пер. еп. Феофана. – М., 1890.
11. Свиридов В.Г. Музыка как судьба / Сост., авт. предисл. и коммент. А.С. Белоненко. – М: Молодая гвардия, 2002.
12. Свиридов Г. Высокие идеалы современности // Вечерний Ленинград. – 1966. – 15 октября.
13. Св. Григорий Нисский. Об устройстве человека / Пер. В.-М. Лурье; под ред. А.-Л. Верменского. – СПб., 1995.
14. Свящ. Олег Давыденков. – Понятие «силы» и «энергии» в святоотеческом богословии // Свящ. Олег Давыденков. Величия благочестия тайна: Бог явился во плоти. – М., 2002.
15. Сохор А. Георгий Свиридов. – М.: Всесоюзное издательство «Советский композитор», 1972. – С. 142.
16. Асафьев Б.В. Музыкальная форма как процесс. Книга вторая. Интонация // Асафьев Б.В. Избранные труды. Т. V. – М., 1957.
17. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Вопросы философии смысла. – 1989. – № 9.
18. Элик М. Свиридов и поэзия // Георгий Свиридов: Сборник / Сост. Р.С. Леденев. – М.: Музыка, 1979.

PHILOSOPHY OF MUSIC AND POETRY OF LANGUAGE G.V. SVIRIDOVA

This article discusses some of the philosophical aspects of intonation and speech circuit musical language GV Sviridov, the extraction of the hidden flow of " inner spiritual sayings " of the author of the true peace that may be contained in the synthesis of Words and Music. The author analyze the musical poetics GV Sviridov of her appeal for unity, of belonging to the ideas of " melody " and " logos ", which in the works of the composer rose to the top of this philosophy confessional speech.

L.A. KINASH

*Belgorod State Institute
of Arts and Culture*

e-mail: ved_2phil@bsu.edu.ru

Keywords: intelligent sound, voiced meaning, language, mind, word, soul, music, poetry, synthesis, dialogic Union poetic and philosophical reason, the truth of the world.